

Наоборот

Сразу хочу успокоить вас, души дорогие, я вовсе не намерен разворачивать перед вами всю историю моей жизни. Напротив, расскажу лишь об одном дне — том дне, когда закончилось мое детство.

Рассказ о детстве всегда смахивает на сказку, но мое детство сказкой и было. Меж двух больших лип скособочилась наша деревянная избушка. Большую часть двора занимали надгробия, но под ними никто не лежал. Они дожидались, когда отец высечет на них имя очередного усопшего.

Избушка стояла на околице местечка Хорбица. Историки — чтоб им пусто было — конечно, заявят, что Хорбицы отродясь не существовало. Но ежели так, умники вы этакие, где же я тогда родился, а? Нечего вам на это ответить.

Конечно, я не смогу указать широту и долготу, на которых находится Хорбица, — в хедере я учил Тору, а не географию, — но могу утверждать, что это где-то на просторах Речи Посполитой, в трех днях езды на лошади от местечка Шв́арце Т́умэ и в пешей доступности от деревни Дыровка... Что? Не верите?! Все это подлинные названия, сами можете проверить!

Господи, и откуда в людях эта упертость, когда речь заходит о фактах? Вы что, уже планируете экскурсию по местам моего детства? Нет? Тогда позвольте мне продолжить, будьте так любезны.

Когда в других домах веселились да радовались, празднуя Пурим, в нашем домишке бушевала буря. Я тарасился на родителей, кружившихся, точно рвущиеся в бой петухи... Секундочку. Прошу прощения. Оказывается, не так уж это просто — рассказывать.

Всякий раз, когда я принимаюсь делиться своими детскими воспоминаниями о жизни в Хорбице семнадцатого века, меня принимают высмеивать, а то и просто стороной обходят. Однажды даже поколотили. Ой, души, как же жестоко меня тогда пинали, даже руку сломали. А посему, из соображений безопасности, я предпочту вести рассказ от третьего лица. В некотором смысле это будет только справедливо: огромная дистанция отделяет меня от того ребенка, которым я был когда-то. Мальчик Гец, так меня звали, куда дальше от меня, чем полные незнакомцы. Глядишь, чужие люди и смогут меня вынести, тогда как Гец способен лишь погружаться в разочарование, ведь он возлагал надежды на себя, то есть на меня.

Итак, в тысяча шестисотом с хвостиком году, в хлипкой лачуге на окраине Хорбицы, мальчик Гец тарасился на родителей, кружившихся, точно рвущиеся в бой петухи. Мать — мамэ Малкеле — вздергивала свой нос картошкой, наскакивая на длинный кривой нос отца — татэ Переца. Господь благословил Малкеле волосами цвета яичного желтка, светлыми бровями и синими глазами, в которых ничуть не отражалась ее угольно-черная душа. Перец, в отличие от нее, так и пылал — от рыжей бороды и до медной

кожи, словно раскаленной от огня, будто его пере-держали в печи материнской утробы.

Татэ Перец визжал своим бабьим голосом:

— Зог мир бехейрем, Малкеле, их фрэг дир дос лецте мол: ву из эс?!

Ой, мамэ-лошн!* Ах, если бы я только мог опи-сать на идише эту часть моего детства. Увы, от иди-ша остался у меня лишь едва ощутимый привкус на языке. С радостью передал бы я его, да хоть с поцелу-ем, но кто станет со мной целоваться, а, души?

Итак, татэ Перец визжал своим бабьим голосом:

— Отвечай мне как на духу, Малкеле, последний раз тебя спрашиваю: где она?

В поисках бритвы он уже перевернул в доме все, до чего только смог дотянуться. Малкеле следила за действиями мужа, пока наконец не взорвалась:

— Разве не сказано в Писании: “Не стригите голо-вы вашей кругом и не порти...”¹

Но ей не пришлось завершить цитату.

— Ну-ка, цыц! Тоже мне, Писание она излагает! — с издевкой воскликнул Перец. — Тебе бы следовало родиться мужчиной!

— А тебе — женщиной! — И мамэ вздернула под-бородок.

На земляном полу рядом с Гецем свернулась в клубок семилетняя Гитл. Пальцы ее заплетали косу, с губ срывалось невнятное “др-др-др, гр-гр-гр”. Если Гец был поглощен наблюдением за битвой гигантов, то Гитл будто пребывала в ином мире. Закончив за-плетать халу косы, она обнажила розовые блестящие беззубые десны, сунула косу в рот и с вожделием принялась жевать ее.

* Родной язык (*идиш*).

— Где эта проклятая бритва? — Перец с силой дернул себя за бороду, лишь чудом не вырвав ее. — Если я сей момент не отыщу ее, то пальцамиковырываю себе всю бороду, волосок за волоском, клянусь тебе!

— Все мужчины местечка к празднику расчесывают бороды, — пожаловалась Малкеле, — и лишь мой муж хочет свою бороду выдрать.

— Заповедь праздника Пурим — умножать веселье, — буркнул Перец.

— Разве нельзя умножать веселье без греха?

— Изображать царицу Эстер не грех. Как можно вообразить себе свиток Эстер без Эстер? Ясное дело, никак.

— На прошлый Пурим Цви-Гирш нарядился царицей Эстер, и помнишь, что он тогда сделал? Да просто обмотал бороду платком, а всем сказал, что царица зубами мается.

— Как по мне, Цви-Гирш хоть всю рожу может себе обмотать! — Перец схватил деревянный короб и высыпал из него сушеные грибы.

— С чего это бритве прятаться в грибах? — всплеснула руками Малкеле.

Снаружи донеслось страшное мычание. Корова отходила. Ее розовый мягкий язык, в который Гецу так часто хотелось ткнуть пальцем, был весь в красных язвах. Ноги отказывали ей, глаза запали в глазницы, шкура обтягивала кости.

— Гец, хочешь попробовать? — Гитл протянула брату обслюнявленную косу.

Гец отбросил ее с отвращением.

— Как работать, так его нет, а игры играть — он тут как тут, — пожаловалась Малкеле, обращаясь к кому-то невидимому.

— Это я-то не работаю? — возмутился Перец, тоже адресуясь к слушателю-невидимке. — А откуда же тогда мозоли у меня на руках, если не от молотка, который ее отец оставил мне в наследство!

Перец имел в виду тесало каменотеса, которым он высекал поминальные надписи на надгробиях. Малкеле связала веревкой разбросанный Перцем хвост и начала монолог:

— С тех пор как дело перешло к тебе, евреи, кажется, перестали умирать. Когда мой отец, да будет благословенна память праведника и да истребится имя злодеев, был жив, к нам в очереди выстраивались, чтобы купить надгробную плиту. Однажды даже гой 19 דאס לעבן заявился! Да, гой тоже умирают, да смилуется над нами Господь, но тот гой за грехи свои хотел, чтоб на его надгробии высекли черту на черте, крест! А отец отказался — но как отказался? Ты спроси, как он отказался. Так отказался, что под конец они даже обнялись! Люди в трауре, с разбитыми сердцами, спрашивали его: “Реб Ицхок, ты веришь в воскресение мертвых?” А он, бывало, отвечал: “Если уж евреи встают из-за стола после субботнего чолнта², то и из могилы встанут, когда придет срок!” И люди смеялись, люди, только-только потерявшие близких, — смеялись! Вот такой он был, мой отец. А ты что?

— К радости моей, я не твой отец. Я твой муж, к сожалению, — процедил Перец, ползая на четвереньках в поисках бритвы, щурясь и поводя носом, словно принюхиваясь.

Гитл ухватила слабыми своими пальчиками за кончик голубоватой ткани, проглядывавшей между сваленными у печи поленьями. Заметив ее движение, Гец сноровисто вытянул из-под дров сокровище и возгласил: